

*Оксане Ветловской —
волшебнице слова*

Глава 1

З а завтраком Питер сказал:
— Я видел девочку в нашем пруду.
Мистер и миссис Палмер обменялись вопросительными взглядами, Ларри — старший брат двенадцатилетнего Питера — отвлекся от чтения утренней газеты. Только Агата пожала плечами и продолжила возить ложку по остывшей овсянке в своей тарелке.

Питер поерзал на стуле и добавил:

— Я правду говорю. Сам видел. Она одетая купалась. В белом платье.

— Прислуга совсем обнаглела, — подражая материнскому тону, заявила Агата. — Сейчас в наш пруд полезли, а что завтра устроят? Не пора ли с этим разобраться?

Агате было пятнадцать, и она считала себя взрослой и очень умной. Постоянно влезала со своим мнением, во всем подражала маме и мечтала стать светской львицей. Только Питер считал, что выглядит она при этом ужасно нелепо. Правда, еще нелепее сестра смотрелась, когда накручивала себе белокурые локоны маминой плойкой: после завивки они торчали в разные стороны и прическа Агаты вызывала больше сочувствие, чем восхищение.

Ларри пошелестел газетой, сворачивая ее, и обратился к Агате елеинейшим голосом:

— Сестрица, милочка, тебе не о чем беспокоиться! Твоя невероятная красота надежно скрыта под слоем прыщей,

фигура настолько идеальна, что при ветре ты гремишь костями, а больше с тебя взять...

— Ларри! — гневно воскликнула миссис Палмер. — Прекрати издеваться над сестрой!

— Ага, — широко ухмыльнулся старший брат и отхлебнул чай из стакана в узорчатом подстаканнике. — Уже прекратил.

Питер представил себе, как с моря налетает сильный ветер, надувает Агате подол платья, и она гроыхает, как банка с сухим горохом. Воображение нарисовало мальчишке настолько яркую картинку, что он не смог удержаться от смеха.

— Все братья в мире — противные! — горестно возопила Агата. — Грубые, бессердечные, тупые...

— Вонючие, — продолжил Ларри невозмутимым тоном, бесшумно размешивая сахар в чае ложкой, — черствые, приземленные, убогие, гнусные, подлые, ехидные, пошлые, агрессивные, коварные, наглые, жадные...

— Ларри, — с укоризной обратился к сыну Леонард Палмер, — тебе сколько лет?

— Достаточно, чтобы его забрали в армию! — выпалила Агата. — Папа! Почему ты его не отдашь на службу? На войне такие здоровые кретины нужны!

— Нет уж, — возразил Ларри. — Сперва тебя в пансионат для дистрофиков.

— Агата! Лоренс! — хором вскричали родители.

Питер очень старался не смеяться громко, соблюдая приличия, но это было просто невозможно. Когда Ларри начинал поддевать Агату, она ужасно смешно выпучивала глаза, сжимала губы и то краснела, то бледнела. Ругаться они могли бесконечно. Недавно даже подрались, и отцу пришлось облить их водой из ведра, чтобы разнять.

Вытирая набежавшие от хохота слезы, Питер задел локтем чашку с какао, и по скатерти разлилось молочно-шоколадное море. Стремясь поскорее поставить чашку обратно на блюдце, мальчишка случайно смахнул на пол

подставку для яиц. Голубоватый с прожилками фарфор разлетелся вдребезги.

— Пирожок! — громыхнул басом отец. — Вон из-за стола!

Веселье как рукой сняло. Питер вздохнул, понуро опустил голову и поплелся из столовой прочь. В дверях услышал, как Агата сказала маме, что Питер все сшибает, потому что неуклюжий из-за лишнего веса.

— Ему пора на диету, — донеслось до мальчишки уже в коридоре. — А то до сходства со слоненком не хватает только хобота!

«Ну и дура!» — со злостью подумал Питер, топая погромче, чтобы не слышать больше обидных слов. А еще он подумал, что надо рассказать друзьям-мальчишкам, что Агата на самом деле — подменыш и ночью пьет куриную кровь. Потому и злюка такая. Йонас точно поверит. Он знает толк в оттудышах. Потому Питер с ним и дружит: столько историй, сколько рассказывает о них Йонас с материка, не знает никто. А еще Йонасу абсолютно все равно, сколько весит его друг.

«И в девчонку в пруду Йон поверит», — кивнул сам себе Питер, осторожно отпирая скрипучую дверь в комнату Ларри. Он проскользнул туда и на цыпочках подошел к заваленному книгами и недоделанными моделями парусников стеллажу. Там, на верхней полке, Ларри держал бинокль. Настоящий, военный. Тяжелый и как солдатская форма цветом — темно-зеленый. Бинокль Ларри подарил его друг Уилл Мерфи, когда вернулся с фронта. Подарил — и на следующий день повесился в конюшне за усадьбой. Уилл оставил перед смертью письмо. Что в нем было, Питер не знал. Мистер Мерфи показал его только Леонарду Палмеру, и после этого отец строго-настрого запретил старшему сыну даже упоминать об армии.

Питеру не разрешалось брать бинокль без спроса. Как и заходить в комнату старшего брата. За такие проступки Ларри мог запросто надрать ему уши или заставить мыть полы вместо горничной. Может, в другой раз Питер бы

и не сунулся за биноклем, но сегодня ему очень хотелось разглядеть девочку в пруду за домом. А еще было обидно, что никто не воспринял его новость всерьез.

«Быть младшим отвратительно, — горестно вздохнул Питер, залезая на письменный стол брата. — Тебя либо никто не замечает, либо разговаривают с тобой так, будто ты во всех бедах мира виноват».

Мальчишка встал на цыпочки, достал кончиками пальцев до края полки, осторожно пошарил, нащупал кожаный ремешок, на котором висел бинокль, и бережно потянул на себя, ощущая тяжесть одетых металлом линз.

«Только бы на голову не уронить», — успел подумать Питер, и бинокль свалился на него, увлекая за собой модели кораблей. Мальчишка пошатнулся, неловко отступил назад, и под башмаком что-то хрупнуло. Напуганный Питер спрыгнул со стола, прижимая к себе бинокль обеими руками, и лишь потом оглянулся посмотреть, что же он такое раздавил.

Так и есть: мачты белоснежной маленькой яхты «Принцесса Елизавета» оказались сломанными в нескольких местах, паруса и снасти безжизненно повисли. Питер крепко зажмурился, предвкушая выволочку от брата, схватил яхту и бинокль и выскочил в коридор. Прикрыл дверь, будто его тут не было, и помчался в свою комнату. Там он положил кораблик в ящик, который тут же задвинул под кровать, разулся, чтобы не топтать так предательски, и направился на верхний этаж.

Питер любил бывать в оранжерее. Мама была гением садоводства и даже в доме умудрилась создать заросли самых разных растений. Если на улице сад семьи Палмер показывал себя во всей красе лишь с мая по сентябрь, оранжерея радовала хозяев и гостей буйным цветением круглый год. Когда мистер Палмер отправлялся на материк, он обязательно привозил жене разные растительные диковины. Пальмы, орхидеи, миниатюрные хвойники, южные цитрусы, суккуленты, ароматные тропические цветы — все это прекрасно уживалось под чутким присмотром миссис

Палмер. С раннего детства Питер играл в оранжерее с братом и сестрой в приключения, пиратов, путешественников, искателей сокровищ и ловцов монстров. И в войну, конечно. Хоть за это и доставалось от мамы.

«Никакой войны в нашем доме! — строго отчитывала детей миссис Палмер. — Не накличете беду! Война далеко. Не вздумайте звать ее сюда».

Питер пробежал под разлапистыми пальмами, обогнул маленький бассейн, в котором жили лотосы и водяные лилии с материка, удержался от соблазна стянуть парочку кумкватов с дерева в кадке и протиснулся между корзинами с ампельными геранями и яркими калибрахоа к окну. Здесь, на широком подоконнике, он оборудовал себе тайное место еще два года назад. Питер любил забираться на подоконник с ногами и воображать себя затерянным в тропиках. Или Робинзоном, глядящим в морскую даль в ожидании паруса. Морской далью обычно был пруд, который по приказу отца вырыли за домом почти пять лет назад. Семилетнему Питеру округлая яма глубиной десять метров и диаметром метров в сорок казалась огромной. Заполнялся пруд проточной водой из быстрого ручья, впадающего в Даур. От ручья пруд отделяла металлическая решетка, возвышающаяся над водой на три метра и вмонтированная в дно. Мистер Палмер оборудовал берег пруда подсветкой, сделал бетонный пляж, установил ограждения у кромки воды, чтобы дети или гости не свалились в глубокий водоем. Ровно посередине располагалась площадка с гротом из привезенных с побережья каменных глыб. Основание площадки, уходящее в глубину, также представляло собой систему подводных пещер. Питеру вся эта конструкция напоминала большущее дерево с дуплами и кроной-площадкой над водой. Еще одной достопримечательностью пруда и дома Палмеров стало круглое окно из толстого стекла: оно располагалось под землей, занимая полностью одну стену подвального этажа. И через него было видно, что происходит под водой.

Питеру была интересна возня вокруг пруда. К отцу постоянно приезжали разные люди, он показывал им созданный водоем, долго советовался, чем лучше выложить дно, нужен ли на дне рельеф, какие растения высаживать по берегу, какие — под водой. А когда гости трапезничали в оборудованной у подводного окна второй гостиной, наступала очередь вопросов для детей.

— А рыбы будут? — спрашивал Питер. — А можно дельфинов? А черепах? А почему нам нельзя там купаться? А зачем под водой свет?

Взрослые отшучивались, отмахивались от мальчишки, толком ничего не объясняя. Агата сказала, что пруд папе с мамой нужен для красоты — как оранжерея, и Питер постепенно охладел к водоему. Что толку в пруду, в котором нельзя купаться и ловить рыбу? Можно только сидеть на мостках над водой — и то в сопровождении старших.

Как-то мистер Палмер увидел, что одна из служанок на берегу стирает белье. Ух и влетело же бедняге! «Ни в коем случае нельзя, чтобы в воду попала химия или мусор! — бушевал хозяин усадьбы. — Еще раз увижу — уволю всех!»

А сегодня с утра в пруду купалась девчонка. Вот так. Спокойно плавала, не боясь. Питер сидел на подоконнике с книжкой про супершпионов, которую ему одолжил одноклассник, увлеченно читал. И заметил движение краем глаза. Отвел взгляд от приключений Джерома В Два Счета, который вскрывал любые сейфы влегкую, и увидел ее.

Чуть в стороне от островка с гротом из воды виднелась светловолосая голова и плечи. Волосы у девчонки были длинные-длинные и на фоне темной воды казались совершенно белыми. Круглое лицо, смешные оттопыренные уши. Издалека Питеру показалось, что девчонка — его ровесница или чуть младше. Незнакомка легла на спину, раскинув в стороны руки, и Питер обратил внимание на ее платье: белое, длинное, полностью скрывающее девчонкины ноги, состоящее из множества лент разной ширины. Девчонка не спеша гребла руками, и развевающиеся

волосы и движение лент в воде делали ее похожей на медуз, которых Питер видел в порту Дувра. Зрелище завораживало. Как будто на темной глади пруда распускался белый цветок со множеством лепестков.

Книжка соскользнула с колен и упала на пол. Питер нагнулся поднять ее, а когда снова выглянул в окно, девчонки в пруду уже не было. И на берегу тоже. Мальчишке стало ужасно любопытно, куда она делась. А так как на днях отец строго-настрого запретил им с Йонасом играть возле водоема, Питер решил сперва изучить окрестности пруда из окна.

Мальчишка забрался коленями на подоконник, поднес бинокль к глазам и принялся подкручивать окуляры, наводя резкость. «Наверное, она из кустов пришла, — рассуждал он, рассматривая спокойную водную гладь. — Местные мальчишки прокопали лаз под оградой, и она на спор пришла купаться. Смелая девчонка! Наверное, было бы здорово с ней подружиться». Питер вглядывался в прибрежные заросли до рези в глазах, но так и не разглядел лазейку. И конечно, девчонку тоже не увидел.

Он вздохнул, опустил бинокль. Ничего не получится. Как бы ему ни мечталось о смелой подружке, которая умела бы драться на палках, лазила по деревьям, читала книжки про пиратов, шпионов и знала наизусть рассказы о Шерлоке Холмсе.

— Ну и ладно, — с досадой произнес Питер. — Зато у меня будет своя тайна. Только Йонасу ее и расскажу.

— Про что расскажешь? — раздался за спиной насмешливый голос Ларри.

Питер вздрогнул, испуганно вцепился в бинокль. «Ну все, я попался», — уныло подумал он и сразу выпалил:

— Прости, я яхту твою поломал... Я нечаянно! Я почищу, Ларри! И бинокль вот, возьми, спасибо. С ним ничего не случилось. И это... мне полы помыть, да?

Брат ухмыльнулся, отвесил ему легкий подзатыльник.

— Ты кого там разглядывал? — кивнул он в сторону окна. — Да еще и в бинокль.

Питер засопел, думая, открыть Ларри тайну или нет. Решил, что Ларри все-таки не отец, орать не будет.

— Утром я тут читал книгу, — начал он осторожно. — Ее надо отдать послезавтра, мне мальчик в школе одолжил. Она классная, про супершпионов и суперсыщиков. Как Эркюль или Шерлок. И Мориарти.

— А бинокль-то зачем? Шрифт мелкий? — усмехнулся Ларри и сел рядом с Питером на подоконник, сдвинув в сторону горшок с ярко-красной геранью.

— Не, шрифт хороший, — заулыбался младший брат, поняв, что нагоняя не будет. — А бинокль... Там девочка купалась. В нашем пруду. И я...

Он запнулся, поняв, что ситуация глупая. Девчонка уже десять раз как ушла, а он примчался сюда в надежде ее снова увидеть. И сам себя убедил в том, что ищет какой-то лаз в кустах.

— Девчонки дуры, — миролюбиво произнес Ларри. — Но на голых девок можно и в бинокль поглядеть. Только, знаешь, Пирожок... это не девчонка была.

От удивления Питер чуть с подоконника не свалился. Ему даже страшно стало на миг.

— Как — «не девчонка»? Я же видел...

— Это папина русалка. Ему ее привезли на прошлой неделе, вы с Агатой в школе были. Мы вам решили пока не говорить. Отец думал, что она умрет. Ее везли долго, в плохой воде. Она рыбу не ела, пряталась. Ну мы и не говорили вам.

Ларри говорил это настолько будничным тоном, что Питер решил, будто брат над ним шутит. Живая русалка стояла дороже нового автомобиля. Наверное, как десять новых автомобилей. Или половина усадьбы. Да и за чем папе русалка?

— Ларри, я уже не маленький, — сурово заявил Питер, для солидности расправив плечи и пытаясь втянуть живот. — Я тебе не верю. Это была просто девочка.

Брат поскреб заросший щетиной подбородок, пожал плечами. Снял с шеи Питера бинокль, поднес к глазам.

— Ну раз ты такой взрослый... — задумчиво сказал он и замолчал, рассматривая что-то.

Питер нашарил за цветочными горшками книгу, вытащил ее и собрался уже уйти, но задержался и взглянул в сторону пруда. По поверхности расходились круги. Словно кто-то бросил туда камень.

«Это всего лишь рыба», — решил мальчишка и пошел к выходу из оранжереи. Девчонка девчонкой, а модель яхты надо починить до того, как у Ларри испортится настроение и он решит вздуть брата за испорченный кораблик.

Глава 2

Июньский день выдался душным, от жары клонило в сон. Питер клевал носом и медленно водил по бумаге кончиком карандаша.

— Мистер Палмер, так о чем же вы думаете?

Голос учителя раздался прямо над ухом и заставил Питера подскочить на месте от неожиданности. Громыкнула задетая крышка парты, покатались на пол карандаши. Класс захихикал, предвкушая потеху.

— Я замечтался, сэр, — пролепетал Питер, старательно закрывая ладонью рисунок на промокашке в раскрытой тетради. — Прошу меня простить.

— Надеюсь, ваш открытый рот и остекленевший взгляд говорили о том, что грезили вы о прекрасном творчестве Шекспира? — произнес учитель строго и добавил: — К доске.

Отвечать у доски Питер терпеть не мог. Всякий раз его охватывал непонятный ему самому страх. Однокурсники замирали, ожидая, когда потеющий толстячок перестанет то краснеть, то бледнеть и наконец протянет нерешительное овечье «Э-э-э...». Класс взрывался хохотом, мальчишки принимались дружно блеять, Питер ударялся в панику и напрочь забывал все, что готовил к уроку. Учителя быстро теряли терпение и украшали дневник Питера очередным неудом. Раздосадованный мальчишка умолял позволить ему еще раз попытаться

или ответить письменно, но чаще всего нарывался на отказ:

— Мистер Палмер, вы потомок благородного рода. И вы обязаны уметь говорить публично. Боритесь со своими страхами.

Питер честно боролся. Учил уроки до поздней ночи, рассказывал домашнее задание матери. Но в школе у доски всякий раз цепенел от страха и, сдерживая слезы, мужественно принимал насмешки одноклассников.

И сегодня, когда прозвучало ненавистное «к доске», мальчик вдруг понял, что утром не повторил то, что весь вечер заучивал наизусть. Он встал, понурился, секунду постоял, привыкая к противной ватной слабости в коленках, и побрел к доске. Промокашка с его рисунком легко спланировала на пол, и Питер поднял ее. Класс за его спиной шушукался, девчонки тихонько хихикали, предвкушая веселье. Питер остановился у доски, взглянул на стиснутую в пальцах промокашку. В начале урока он карандашом нарисовал в уголке девочку-цветок, похожую на ту, что видел утром. И сейчас ему вдруг сделалось так спокойно, словно он не один стоял перед классом, а кто-то незримый держал его за руку.

Питер улыбнулся рисунку, вдохнул глубоко и начал:

— Тебя порочат без твоей вины
И от наветов никуда не скрыться,
Ведь вороны поклепа рождены,
Чтоб в ясном небе красоты кружиться.
К бутонам нежным страсть червей сильна,
Соблазн тем больше, чем прекрасней чудо:
Ты без изъянов, как сама Весна —
Наветчиков любимейшее блюдо...¹

Слова лились сами. Одноклассники, что так надеялись услышать привычное «Э-э-э...» как сигнал к началу

¹ Уильям Шекспир, сонет 70. (Примеч. автора.)

всеобщей истерики, удивленно пожимали плечами, шептались между собой. Только учитель слушал Питера внимательно-внимательно, иногда кивая и тая в глазах улыбку.

— Замечательное исполнение, мистер Палмер, — сказал он, когда мальчишка закончил декламировать. — Я почти поверил в то, что вы прочувствовали все, о чем рассказывали. Садитесь на место. Заслуженный высший балл. Даже несмотря на то, что я задавал выучить не сонет, а монолог Гамлета.

— Это который про «быть или не быть»? — смущенно пролепетал Питер, и класс все-таки расхохотался.

После уроков за Питером увязались девчонки. Неразлучные подружки Гвенда и Нэнси следовали за ним, покачивая налаченными завитками на макушках, и тараторили не переставая:

— Влюбился, влюбился, наш толстяк влюбился!

«Все девчонки — дуры», — сидя на скамейке в школьном саду, твердил про себя Питер. Это помогало сохранять спокойствие, но непрерывный девчоночий нудеж раздражал все сильнее. Что сделал бы Ларри, если бы ему так досаждали? Отмочил бы что-нибудь остроумное и до соплей обидное — и девчонки бы тут же отстали. Но Питер не умел острить и подкалывать других так, как это делал брат. Потому приходилось терпеть. И есть яблоко, чтобы молчать.

— Палмер, подружку ждешь?

Напротив Питера остановилась стайка одноклассников на велосипедах. «Опять Уимзи и свита», — вздохнул Питер и демонстративно отвернулся. Если не отвечать — быстрее отцепятся.

— Пит, а Пит, — нараспев протянул Дюк Уимзи — самый сильный и крутой парень в их классе. — А твоя подружка такая же жирная, как ты?

Пятеро мальчишек в велосипедном арьергарде приснули со смеху. Питер откусил от яблока побольше, одной рукой прижал к себе сумку с учебниками. Чтобы не слушать одноклассников, он начал про себя считать до ста

и думать о том, что до конца учебного года осталось всего две недели. И все, можно будет не делать уроки, спать сколько влезет и носиться по полям с друзьями. А если повезет, можно уговорить Ларри свозить его и Йонаса к Белым скалам на побережье. И запустить там воздушного змея. Высоко-высоко...

На скамейку рядом шлепнулся Кевин — тощий кудрявый очкарик из параллельного класса, у которого в жизни было две страсти: книги и пудинги. А еще Кевин обожал читать про всякого рода опыты, в которых все шло не так. Он коллекционировал вырезки из журналов про неудачные эксперименты. Только про убитых электричеством тесломанов у него была целая подборка.

— О, а вот и подружка! — радостно воскликнул Дюк.

Кевин молча вытянул из портфеля рогатку, забрал у Питера огрызок, вложил огрызок в оттянутую широкую резинку и тщательно прицелился в Уимзи.

— Ой, как смело! — захихикал верзила Дюк. — А рикошета по лбу не боишься?

Рот Питера непроизвольно растянулся в улыбке. Напряжение, не отпускающее его с конца уроков, исчезло. На другой стороне улицы напротив школьного двора остановился автомобиль отца — роскошный «Силвер Клауд», предмет лютой зависти всего города.

— Что лыбишься, жирный? — не унимался Дюк. — Попадешься мне завтра — в толчок башкой засуну!

— Не поднимешь, — спокойно отозвался Питер. И добавил: — Я за мир. Пошли, Кевин.

Огрызок улетел в урну возле скамейки, рогатка переместилась в потрепанную сумку. Друзья обошли компашку задир, которые быстро притихли, увидев «роллс-ройс» мистера Палмера, и направились через дорогу.

— Знаешь, они тебя когда-нибудь отлупят! — оглядываясь на Дюка, проговорил Кевин. — Учись защищаться, что ли.

— Не отлупят. Отец Уимзи работает на заводе моего отца. И только поэтому Дюк ходит в нашу школу, — неторопливо

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	82
Глава 11	91
Глава 12	101
Глава 13	111
Глава 14	121
Глава 15	131
Глава 16	141

Глава 17	151
Глава 18	162
Глава 19	171
Глава 20	180
Глава 21	189
Глава 22	198
Глава 23	207
Глава 24	217
Глава 25	228
Глава 26	238
Глава 27	250
Глава 28	260
Глава 29	270
Глава 30	280
Глава 31	289
Глава 32	297
Глава 33	308
Глава 34	319
Глава 35	328
Глава 36	340
Глава 37	352
Глава 38	364
Глава 39	373
Эпилог	392